

Нина
Абрамович

ЗАРИСКИ филмички

Киев
2012

Нина Абрамович
Записки филиппинки (сборник)

«Абрамович Нина Михайловна»

2012

Абрамович Н.

Записки филиппинки (сборник) / Н. Абрамович — «Абрамович
Нина Михайловна», 2012

ISBN 978-966-2280-83-8

У автора абсолютно феерическое восприятие жизни. И потому вся книга
заряжает позитивом.

ISBN 978-966-2280-83-8

© Абрамович Н., 2012

© Абрамович Нина Михайловна, 2012

Содержание

Корочка от арбуза	5
Подушка	14
Привет, Бомбейкина!	18
Глава 1	18
Глава 2	22
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Нина Абрамович

Записки филиппинки (сборник)

Корочка от арбуза

Миллионер в стоптанных башмаках – это круто. Говорят, такие персонажи реально существуют на просторах нашей Родины. Это не фольклорная фантазия. Я тоже знаю одного такого. Мы с ним даже приятели.

Боря носит настолько старые китайские кроссовки, что его большие пальцы с длинными серыми ногтями, закрученными в бараний рог, эротично выглядывают наружу через прохудившуюся синтетическую ткань.

Борино скопидомство я ощутила на собственной шкуре, побывав еще недавно в туманном образе его пассии.

Познакомилась я с ним у Славика-Фальшака, среди его картин, изображавших «леса, моря, людей».

Коммерческие потуги частенько забрасывали меня в квартиру к Славiku, на улице Мазепы, все стены которой – и коридор, и кухня, и даже туалет – были увешаны настоящими, как утверждал Славик, картинами выдающихся живописцев. То были Алисов, Боголюбов, Клевер, Капустин, Айвазовский, Маковский, Шолтес, Манайло, Коцки и другие.

Над лежанкой Славика, сбитой из строганых сосновых досок и застеленной облезлым советским ковром, висел Казимир Малевич с его почему-то «Синим квадратом».

На мой наивный вопрос «А разве у Малевича был еще и «Синий квадрат»?» Славик всегда уверенно отвечал:

– А ты че, не знала? Вот же валенок! Где черный, красный, там и синий! Не нам судить! Это ранний период его творчества. Малевич как раз в Киеве жил.

Несомненно, большинство картин у Славика были поддельными. И я даже знаю, кто их ему штамповал. Но жги меня каленым железом – ни за что не скажу!

Ни одного бесценного раритета из этой Славкиной коллекции продать мне не удалось. Способностей не хватило.

Вы только представьте! Я предлагаю какому-нибудь жирному коту «Синий квадрат» Малевича! Ой! Ей! Что й то будет! Могут и побить, когда разберутся, что почем!

И я до сих пор поражаюсь, как это у Славика так легко получается втюхать клиентам фуфло. Талант Славика очевиден.

Обычно Славик разыгрывает перед клиентом целое шоу.

– Что надо? Есть все! Лес. Море. Люди. Первый эшелон художников! Отдам недорого. Можно все оптом! Всего-то один миллион долларов! – пританцовывает он вокруг клиента.

Клиент, какой-нибудь заезжий толстосум, с недоверием смотрит на Славика. На картины, в которых ничегошеньки не понимает. А Славик, как артист на сцене, продолжает куражиться. Оттачивая великую науку ловли лоха.

– Вчера вот пять картин уже забрали. Один депутат из Партии регионов! А директор одной певицы, ну, которая поет «Чэрвону руту», внес задаток на «Русалок» Маковского. Это же лучшее вложение денег! Ну, рожай быстрее, а то у меня сейчас новый покупатель будет. Море! Люди! Все есть! Вон, «Русалок» Маковского бери! Всего-то тридцать тысяч долларов. Красота же! Бабы голые по небу летают. Нью всегда в цене! А директор певицы обойдется. Я ему другого Маковского продам. Или вон, «Синий квадрат» Малевича! Отдам за пятнадцать, я не мелочный.

Клиент смотрит на «Русалок» Маковского, на «Синий квадрат» Малевича, чешет репу, и в его мозгах начинает что-то усиленно шелкать, складываться и умножаться. Ему и невдомек, что «Русалки» Маковского находятся в Русском музее Санкт-Петербурга, а «Синий квадрат» Малевича – в большом воображении идиота.

– Так что? Берем шедевры? Вам завернуть? – экспрессивно выкрикивает Славик, нарезаю круги вокруг жертвы, недоуменно вперившей взор в «раритеты», в три ряда висящие на зеленой рыболовецкой сетке, прибитой к стенам зашарпанной квартиры.

И если имеющий мозги клиент, кто деликатно, а кто в грубой форме, начинал вдруг сомневаться в подлинности картины, Славик тыкал в нос этому привередливому жирному коту документы с атрибуцией государственного центра экспертизы и говорил очень тихо, с убойной логикой:

– Ты кто? Ты эксперт? Ты искусствовед?.. Нет! Ты в этом тонком деле никто! А вот на этом документе, вот, видишь, печать и подпись профессионала. Он вуз заканчивал и, может быть, с красным дипломом! И ты еще подвергаешь сомнению авторитет уважаемого в городе эксперта? Ты видишь, что здесь написано? «...Полотно, возможно, принадлежит кисти великого художника...»

Вот на это «возможно» клиент и клевал.

По слухам, Славик был не раз бит и очень серьезно. Но бизнеса своего опасного не бросил. Содержал бывшую жену, двух взрослых сыновей, внуков, двадцатитрехлетнюю любовницу Шурочку с ее мужем и... родного брата Борю.

Одно время Боря ежедневно делал набеги на квартиру Славика, даже если у того в этот момент были покупатели. Там он мог принять душ, поесть и, делая вид, что читает газету «Сегодня», наострив ушки, впитывать информацию, приобщаясь к миру прекрасного. К великой тайне картинного бизнеса, в тонкостях которого он не понимал ровным счетом ничего. Он, как фальшивый сказочный герой, казалось, сошедший со старого поддельного холста, гармонично вписывался в Славкин картинный пейзаж. И Славка снисходительно позволял ему на правах младшего брата присутствовать при наших разговорах.

В результате такого приобщения Боря купил у родного брата Славика пятнадцать «шедевров». Выгодно, так сказать, вложил средства в предметы старины.

На деле, как и предполагалось, все полотна оказались фальшаками. Перепродать их Боря не сумел.

Влетев на большую сумму денег, Боря навсегда покинул мир арт-бизнеса, оставив о нем самые нелестные отзывы. Рассорился со Славиком в пух и прах. Потерял доступ к кухне и ванной своего брата.

Теперь фальшивые картины Айвазовского, Шишкина, Капустина и других корифеев кисти и масла украшали стены нового Бориного дома на Нивках. И великодушно продавались вместе с домом.

В этот самый момент, когда Боря потерял доступ к квартире своего брата, мы с ним случайно и пересеклись на Арсенальной.

Возможно, чтобы досадить Славiku, Боря начал оказывать мне знаки внимания. И пригласил тут же в Индию.

Я задохнулась от неожиданности.

Индия! Звучит, конечно, очень заманчиво. Я даже растерялась. «Это ж какие деньги нужны на это путешествие! И Боря идет на этот шаг? Но я же попаду в зависимость к Боре? – начала судорожно соображать я. – А может, Борис действительно хороший и добрый? А может, я ему нравлюсь? А вдруг это судьба? Мой джек-пот! И рядом со мной он станет щедрым и опрятным? Я отмою его, отогрею... Мужики-миллионеры на дороге не валяются!»

Этот поток сознания вихрем пронесся через мою легкомысленную голову. И полетел куда-то в сторону Киево-Печерской лавры.

– Так что? Как насчет Индии? – вернул вихрь назад Боря.

Любопытства ради я уже почти согласилась на это путешествие. И тут выясняется, что Борина Индия – это собрание кришнаитов в храме Харе Кришны. В Киеве, на Сырце, куда вход бесплатный.

– Там мы натанцуемся и вдоволь поедем экзотических кушаний, пойдем! – соблазнял меня, разочарованную, Боря. – Прасад – это так пикантно!

В светлом дворце, усыпанном живыми цветами, с белым мраморным полом было много людей, одетых в индийские сари, с родинками промеж глаз и антеннами на бритых головах. Почти все они были босиком. Но кто-то, самый разумный, в носочках.

Боря, как постоянный посетитель этой обители, гостеприимно предложил мне разуться. Я заартачилась.

– Тепло, влажно, грибок гарантирован!

Но в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Пришлось разуться.

Мы танцевали, водили хороводы. И делали движения руками и ногами, как это принято в индийских фильмах. На какой-нибудь их свадьбе с Раджем Капуром в роли жениха. Или Бобби в роли невесты. Боря, если честно, на Раджа Капура мало походил. Как, впрочем, и я на Бобби.

Но танцевали мы самозабвенно, вдохновленные общим ажиотажем среди фанатеющих украинцев, облаченных в разноцветные сари и километры бледно-оранжевой ткани, заменяющей им шаровары.

Потом, сидя на полу, в неумелой позе лотоса, мы ели вкусную индийскую пищу, которую в ведрах щедро разносили кришнаиты.

Боря наталкивал дармовой едой банки, судочки, пакеты, кастрюли. Кришнаиты, молодые мальчишки, терпеливо ждали, вычерпывая половником целые ведра прасада.

– Мне же никто не готовит, – оправдывается Боря, наталкивая в пластиковую посуду халявный хавчик. – До следующей субботы мне этого вроде хватит.

Когда мы возвращались из «Индии» и я помогала Боре допереть до трамвая котомки с экзотической снедью, Борис напросился ко мне домой.

– Мне бы помыться, постираться. Ты уж пусти меня к себе в ванную, – заканючил Боря.

– У тебя же своя ванная дома есть!

– Да я не пользуюсь ею. Дом-то я продавать буду. Не хочу, чтобы покупатель начал торговаться из-за того, что сантехника была в употреблении.

Поток моего сознания насчет джек-пота стал мелеть, вихрь ослабевать. И я уже с трудом представляла себя в роли Бориной пассии.

Как мне не хотелось превращать свою чисто вылизанную квартиру в помывочную для бомжей!

Но долг платежом красен. За Индию надо было расплачиваться.

– Хорошо. Приходи, – через силу выдавила я из себя.

– Так я на следующей неделе и приеду, – оживился Боря. – Во вторник. В час дня.

– Без проблем! Только позвони мне на мобильный предварительно, – выразила я озабоченность.

– Зачем звонить, деньги тратить? Ты запомни. Или запиши. «Вторник. Баня. Боря».

– Я не против. Но ты все же позвони.

– А ты что, можешь передумать? Где гарантии, что я помоюсь у тебя?

– Так я тебе помывочный билет сейчас выпишу. – И, вырвав из блокнота розовый листок, я печатными буквами пишу: «Билет в баню. Боря. Вторник. 13.00». – Позвони! Мало ли, закурчусь еще.

И мы расстались с Борей. Он поехал на Нивки, а я – на Позняки.

Как я и ожидала, через пару дней на моих ногах буйным цветом расцвели зудящие розочки. Привет из Индии! Особая благодарность кришнаитам! И приятелю Боре.

Я мчусь в кожвендиспансер, на Левый берег.

Очередь в диспансере была звеняще молчаливой. Стенку у дверей венеролога-дерматолога подпирали самые обычные люди. Все они имели отрешенный, непроницаемый вид. Будто прикидывались, что ожидают трамвая, а не приема к венерологу. Вот же артисты!

Мне же мнилось, что краска заливает мое лицо настолько ярко, что все окружающие легко читают по нему более постыдный диагноз, чем на самом деле.

Мой врач оказался пожилым, но милым мужчиной в очках. У него груди красовался бейджик с его именем. Адольф Карлович. Осмотрев под лупу характерные цветочки на моих ногах, он вынес ожидаемый вердикт: «онихомикоз». Что означает на языке обывателей – банальный грибок.

Потянувшись за шариковой ручкой, лежащей на столе, чтобы выписать рецепт, Адольф Карлович долго не мог поймать ее. Рука его непроизвольно дергалась. Из стороны в сторону. В дрожательном параличе. И не могла зафиксироваться на шариковой ручке. Наконец, овладев ручкой, врач начал пристраивать ее к бумаге. Ручка в непослушной руке дрожала, не попадая на бумагу.

«Очевидно, у бедолаги болезнь Паркинсона», – наконец осенило меня.

Врач был невозмутим. И мужественно пытался заполнить официальный бланк с печатью. Так продолжалось бы долго.

– Давайте я напишу. Диктуйте, – пришла я ему на помощь, перехватив инициативу в свои руки.

Врач послушно отдал мне ручку. И я впервые в жизни выписала рецепт с диагнозом и назначением. Сама себе. Под диктовку милого Адольфа Карловича.

Грибок прошел через несколько дней. И больше об Индии я не вспоминала. На этом дерматологическом приключении чуть тлеющая романтика наших отношений с Борей закончилась. Оставались отношения только приятельские. И банные.

О Боре и о его банной нужде я напрочь забыла. Закрутилась. Сознание положило на предварительный звонок.

Вечером во вторник прихожу домой. А в дверях этот розовый билет в баню и нацарапано карандашом: «Приходил. Три часа ждал. Спасибо за баню. Боря».

Звоню ему. Ругаюсь. Почему не напомнил? Хотя бы маякнул, если денег настолько жалко!

Просится опять в баню. Договариваемся. В субботу. Требую позвонить предварительно. Дни бегут. Жизнь бурлит. О бане я забываю. Память выбрасывает из своей ячейки обременительную информацию.

Вечером возвращаюсь домой, а в дверях гневная записка: «Я был. Хотел помыться. Ждал в подъезде. Консьерж меня выгнал. Ты бесстыжая. Обманула!»

Боря вновь не позвонил и пролетел с баней.

Звоню, ругаюсь, стыжу, называю Гобсеком. Плюшкиным. Жлобом.

Просится в баню опять, через неделю.

Уже не требую позвонить. Знаю, что бесполезно. Пишу себе в блокнот памятку: «Боря. Баня. Суббота».

А в субботу поменяли время. С зимнего на летнее. И я прихожу домой на час позже. И опять нахожу в дверях записку о том, что я очень подлая.

В качестве примирения я покупаю в переходе метро Позняки войлочную шляпу с надписью «Любитель бани», еду на Нивки и дарю ее Боре.

Широко расставив ноги, Боря льет воду из помятой алюминиевой кастрюльки мне на руки. Вода стекает с рук на траву.

– Бери мыло! – командует Боря, кивая в сторону подозрительно серого обмылка, киснувшего в ржавом блюде на траве.

– Да у меня руки чистые. От Позняков до Сырца я ехала сидя и за поручни в метро не хваталась, – тактично отказываюсь я от мыла, маскируя свою брезгливость.

– Бери-бери! А за сумку свою ты же держалась?

– Ну да, – соглашаюсь я и провожу руками по серой массе, изображающей у Бори средство защиты от инфекции.

Опустошив кастрюльку, Боря швыряет ее в кучу с песком, довершая натюрморт из разнокалиберной нехитрой посуды, валяющейся в этой куче.

Поднимает оттуда граненые стаканы, вычищает их крапивой и песком. Ополаскивает мутной водой, из пластиковых бутылок. После этой обязательной сангигиены мы проходим в его дом.

Мы сидим с Борей в гостиной его нового дома на Нивках. Пьем чай из неизвестной мне травы, вырванной Борей тут же, под забором.

Дом Бориса двухэтажный, из пеноблока. Окна настежь, в сад. Пахнет стружкой от деревянных перекрытий и пластиковым сайдингом, которым Боря из экономии облицевал стены и фасад дома. В ванной комнате уже подключена вода, установлены счетчики, сияет первозданной белизной унитаз, раковина.

Но Боря не пользуется этим комфортом. И мне не дает.

Алюминиевая кастрюлька без ручек, поселившаяся в куче с песком, подменяет функции водопровода. Другие удобства находятся за большим кустом сирени.

– Дом я уже построил. Шиповник вдоль забора посадил. Теперь мне нужен сын. Найди мне жену. Ты же шустрая! Молодую. Красивую. Она родит мне наследника. Я ее озолочу. Ни в чем нужды знать не будет. Все ей перепишу. Земельные участки, дачи, гаражи. Ведь иначе все мое добро достанется племянникам. Вот радоваться-то будут, подлецы! Еще, чего доброго, цветочек на могилку принесут! У-у-у! Я жить не могу с этой мыслью. И с тобой я рассчитаюсь, не бойсь, Машенция! Ты будешь довольна, – уплетая столовой ложкой мой дорогуший торт с пьяной вишней, рассказывает Боря.

– И как же ты со мной рассчитаешься?

– Один процент дам. Или ты большего хочешь?

– Один процент? От чего? От твоего кайфа?

– Ну, договоримся. Я тебе сарайчик перепишу, китайский.

– Какой еще сарайчик?

– Да, этот... автобус. Он у Славки во дворе стоит.

– На ходу?

– На ходу, если колеса ему поставить и кое-что еще. Там у меня вещи хранятся.

– Понятно все с сарайчиком.

– Только у меня требование. Девочка должна быть не старше двадцати трех лет. И блондинка! Как у Славки!

«Ну ты и нахал! Пенек замшелый! Ты давно на себя смотрел? Борода, как у лешего. Пятьдесят три года – а туда же!» – это я говорю мысленно, чтобы не обидеть приятеля.

– Так мы же все это сделаем искусственно. И я ей заплачу! – прочел укор в моем лице Боря.

Я изучающе смотрю на Борю, сидящего спиной к распахнутому окну. Его внешнее сходство с врубелевским Паном подмечено мною давно. Такой же заросший. Голубые глаза пуговицами. Мясистый нос. Лицо, как граблями пропахано. Длинные, узловатые руки. И какой-то он весь серого цвета. Я мысленно надеваю на Борину голову козлиные рожки. А вместо носа – маслянистое рыльце. С желтыми клыками.

Как Боре все это идет! Потом меняю рожки на воздушный нимб. Тоже смотрится. Но первый вариант как-то гармоничнее.

Боря сидит на ящиках вместо стула, на фоне пейзажа за окном. А там – плывущая дымка от сжигаемой листвы на соседних участках, зарево раннего вечера, щедро цветущий колючий шиповник под забором. Рогатого месяца на небе не хватает.

– И еще одно надо учесть. Родом она должна быть нездешняя, не из Киева. И лучше не из Украины.

– Откуда же?

– Издалека. Да хоть из Якутии! И чем дальше ее место рождения, тем лучше. Дети от таких географически противоположных браков получаются гениальными. У меня на эту тему целая теория. Ребенка и его мать я обеспечу на всю жизнь.

Что-то я сомневаюсь, что Боря способен поделиться чем-либо с ближним!

И что в его понимании означает «озолочу»? Дом из пенопласта с фальшивыми картинами? Сарайчик без колес? И то не факт, что он на это пойдет! К племянникам на дни рождения Боря ходит на второй день. И подарки вроде уже можно не дарить, и продукты еще не съедены.

Где же найти такую красавицу, которая согласилась бы на Бору?

Не уверена, что даже в Якутии или в голодающей Кении сыщется желающая на такое добро. Да еще блондинка! Это, вообще, сложно для тех мест! Где искать такое чудо?

Боря даже сам с собой не делится. И делиться, очевидно, не собирается.

У него нет холодильника. На кухонном столе, заваленном мусором, он держит пару пакетов с крупой, заплесневелые куски хлеба, скукоженную свеклу и с пожухлой оболочкой, сморщенную морковь.

Спит Боря не на шелках. А на старом разлезшемся диване, укрывается истлевшими половиками. Нет у него нормальной одежды, жены, детей.

И, если честно, смердит от Бори, как от похотливого кота, легкомысленно метящего домашние тапочки, в нежный период своей жизни и еще не знакомого со скальпелем циничного хирурга.

Отвратный букет запахов от Бори, шлейфом следующий за ним, – это мечта какого-нибудь продвинутого парижского парфюмера, бьющегося над изготовлением тренда современных запахов для очень обеспеченных извращенцев.

Так что Борис у нас, по парижским меркам, человек продвинутый.

А делов-то! Краны в доме на запор. И поливай себя из погнутой кастрюльки. Посреди двора. Иногда.

У Бори есть деньги. В ячейке банка. За последнюю сделку по продаже участка с кирпичным домом в Святошине Боря получил бешеные бабки. Он делает деньги на недвижимости. Скупает участки осенью, подешевле. Продает их весной, подороже. Возводит дома из самых грошовых стройматериалов. Страсть делать деньги и не тратить их на себя – это образ его жизни. Подозреваю, что и жену свою, если она, вообще, возможна у Бори, он бы тоже держал в черном теле, в трухлявых половиках.

– Так ты мне девочку найдешь? Я сына хочу. Дом построил. Шиповник посадил, – заладил, как попугай Боря. – Я тебе сарайчик подарю.

– Ну тебе же молоденькая нужна, а у меня здесь моральный барьер. Я могу тебя познакомить только с девушками постарше.

– Кто это? – заинтересовался Боря, поправляя шляпу «Любитель бани».

– Ну, Светка-соседка, например, – начинаю я вспоминать свое окружение.

– А сколько ей? А она мне подарит наследника? А она блондинка?

– Блондинка. Но ей уж точно не двадцать три. Но разглашать тайну ее возраста я не имею права. И насчет «подарит» я сомневаюсь. А вот дома и участки твои к рукам приберет.

А что? Чай с ней гонять будете! Хозяйка она хорошая. Пирог печет! Салат «Познячки» такой классный делает! Из креветок, яблок, с тертым миндалем и корицей! Ты, Боря, забудешь, как тебя зовут.

– А где она родилась?

– В Днепре.

– Нет, не надо. Она мне точно не подходит. Мне жена нужна из Таджикистана, Казахстана, Урала, Сибири, да хоть из Китая! Только подальше от Киева. Я придерживаюсь своей теории рождения гениальных наследников.

– О! Есть у меня кандидатура! Катерина! Она точно не отсюда! Она, кажется, откуда-то из-под Магадана. Там ее родили, а в пеленках привезли в Украину.

– Это хорошо, – крикнул Боря, – а сколько ей лет?

– Да тоже не двадцать три! Да куда тебе, Боря, малолетку? Совесть надо иметь! И малолетка тебе рога быстро наставит. Катерина – лучший кандидат для тебя. О наследниках с ней уж ты сам как-то договаривайся. Барышня она милая, блондинка. Казкарка.

– Чего? – не понял Боря.

– Сказки сочиняет. По книжным ярмаркам ездит.

– Пишущая жена – это, пожалуй, хороший вариант. Сидит в доме, как царица в теремах, на клавиатуре щелкает, детишек нянчит. Подходит! Приводи. Посмотрим на нее, – согласился Борис.

Катерина-казкарка и в кошмарном сне не могла бы представить себе ту сказочную перспективу, которую уготовили мы ей с Борькой.

Катка жила себе припеваючи рядом со станцией метро Вырлица, кропала свои незатейливые сказочки. Про цветы, деревья, мальчика, увидевшего первый раз радугу и обалдевшего от счастья. Наивно радовалась жизни. И горя не знала. Разъезжала по книжным ярмаркам. Презентовала свои шедевры удивленным читателям, приятелям, соседям, знавшим Каткино творчество уже наизусть, и просто случайным людям, декламируя сказочки вслух, звонко, с выражением, выпренно размахивая руками. Сказками были охвачены все, кто только имел неосторожность находиться в радиусе метра от Катерины.

– Я вам сейчас сделаю подарок, – говорила таинственно Катка случайному попутчику в метро или в маршрутке.

Попутчик ошарашенно смотрел на Катку, предполагая уже худший вариант на тему сетевого маркетинга. А Катерина начинала громко и звонко читать свои произведения, не прерываясь до той поры, пока уставший от сказок, притчей, стихов, но сохранивший такт слушатель не высказывал на следующей остановке. А некоторые, особо нервные, посылали Катку в известном направлении.

У себя в родном селе Катерину хорошо знали и, если честно, недолюбливали. За глаза говорили гадости.

– Я тебя люблю, – напрямую сказала ей однажды старшая сестра, главбух в сельпо. – Но ты уж, пожалуйста, у нас в селе не читай свои произведения. Местные тебя не понимают.

Когда на юбилей Каткиного отца съехалась в село вся их родня и даже прикатили родственники из далекого Магадана и в местной столовке устроили пирушку, в торжественный момент дарения подарков и искренних пожеланий земных благ юбиляру настала очередь Катерины. Катка с достоинством вышла из-за стола, развернула пачку бумаги с новыми стихами, посвященными имениннику...

И почти все местные родственники разом затолпились к выходу, зная, чем все это кончится.

Оставались только неискушенные гости из Магадана...

Но вскоре в Киеве Катку начали печатать в одном очень фольклорном журнале «Трибуна жінки». В каждом номере появлялись Каткины сказочки, виршики, притчи.

И тогда Катерина выписала на все село, почти в каждый дом, этот фольклорный журнал. И теперь, когда она приезжала на свою малую родину, односельчане уже как-то более терпимо смотрели на нее. Столице-то виднее, что печатать!

Деньги на производство своих шедевров Катерина брала то у доктора Ноны, то у новой китайской компании со звенящим названием «Тиань Де», появившейся совсем недавно на украинском рынке.

Структуры верных бойцов МЛМ-фронтов росли у Катерины, как китайские сублимированные грибы, политые кипятком.

В унисон грибам ширились тиражи Катькиных шедевров.

Для полного счастья в Катькиной жизни не хватало мужа.

– Познакомь меня с этим Борисом, – услышала я как-то от Катерины, когда в цветах и красках описывала детали общения с Борей.

Я удивилась, но виду не подала.

И вот мы в одну теплую субботу засобирались к Боре на Нивки, конечно, предварительно позвонив ему.

Боря предложил нам приехать с утра и быть до самого вечера. Сказал, что купит для нас две булочки с маком. А напоследок спросил, точно ли Катя рождена под Магаданом, поскольку он не будет отступать от теории рождения гениальных детей в своей генеалогии.

Мы купили бутылку десертного «Кагора», два килограмма винограда «Молдова», орехи кешью, миндаль и «Киевский торт».

Катька в метро все время расспрашивала меня о женихе, уточняя особенности его характера. А приехав на Нивки, Катерина решила купить еще и арбуз. Мы тащили огромный херсонский арбуз вдвоем, ухватившись за ручки пакета.

Боря по-джентльменски встретил нас у ворот своего садово-дачного хозяйства на Нивках. В его руке были две булочки с маком. Он сразу же сделал Катьке комплимент, спросив, натуральная она блондинка или нет.

Катька мужественно отвечала на этот его вопрос, уверяя, что вся ее родня до третьего поколения была белобрысой и пшеничноволосой.

Борис заметил удовлетворенно, что коренные украинцы редко беловолосые, так как по ним прошлось черное монголо-татарское иго, и что Катькина натуральная блондинистость – верный признак ее иноземности.

– Да, меня родили под Магаданом. Родители оттуда родом, – ответила Катька, еще не понимающая к чему клонит Боря.

Пока мы шли к Бориному дому по асфальтированной дороге, разделяющей дачные участки, то насобирали полный пакет бесхозных грецких орехов. Мы с Катькой собирали, а Боря как-то заметно напрягся.

У знакомой мне кучи с песком все дружно помыли руки. Сели за стол. Разложили дары: виноград, «Кагор», торт «Киевский», орехи кешью и миндаль. Помыли и поставили в тарелку арбуз.

Булочки с маком, оставленные Борей у кучи с песком, никого уже не интересовали.

Боря начинает ухаживать за нами. Берет нож и отрезает от нашего арбуза верхнюю шляпку с хвостиком, которую обычно народ выбрасывает. Потом убирает арбуз в сторону, а эту шляпку тонко режет на мелкие полоски и гостеприимно говорит нам.

– Налетайте, девчонки!

Мы с Катькой в недоумении переглядываемся. Смотрю, Катька краснеет до самых ушей.

Я беру нож на правах Бориной приятельницы и готовлюсь кромсать наш арбуз щедро и весело. Боря противится, мол, не съедим весь, пропадет он! И забирает арбуз от меня, перекладывая его на пластиковый подоконник.

Я встаю из-за стола и направляюсь к арбузу.

Боря отчаянно преграждает мне путь.

– Не мелочись, Боря, – перехожу я на шепот. – Мы к тебе с душой в гости. С радостью!
С арбузом!

– Ты сама мелочная! Ты вон орехи чужие насобирала! На шару!

Катя вскакивает из-за стола, неуклюже опрокидывая тарелку с нарезанными полосками арбузной корки, которые нам так и не довелось обглодать: спасибо, извините, мол, до свидания, приятно было...

Мы ушли из Бориной жизни, оставив жениха со всеми деликатесами, с пакетом ничейных грецких орехов и с сомнительной теорией о гениальном наследнике.

Катя так расстроилась после этих смотрин, что заикаться стала.

А мне – по барабану. Подумаешь, сарайчик не получила! Велика потеря!

30.07.2012. Киев

Подушка

Поезд Киев – Херсон лениво отходит от перрона. Я с тремя детьми, причем один точно не мой, деликатно размещаемся на своих местах плацкарта. Запихиваем сумки с вещами на третью полку.

Мы едем на все лето в Новую Каховку, место мечты горожанина, припыленного экологическими радостями большого города. В Новой Каховке у нас своя уютная трехкомнатная фазенда, в центре местечка, тихая река Днепр и дешевый рынок, щедрый на фрукты.

Третий ребенок, который точно не мой, это – Боря Ц., семнадцатилетний летний одноклассник моего сына. Боря попросился с нами на все лето. Я не возражала. Денег у нас – куры не клюют, и мелочиться я не стала, предоставив парню полный пансион.

Борю Ц. никто не пришел провожать. Ни его всегда строгий дедушка в очках, бывший советский шпион, которого я видела несколько раз в магазине рядом с нашими домами, ни его мама, гордая чиновница из какого-то министерства.

Я не была с ними знакома, и они мне не позвонили даже в связи с отъездом Бори Ц. к нам, на каникулы. Видимо, были совершенно уверены и в самом Боре, и во мне, бесплатной няньке.

Меня Боря особо не тяготил. Мальчик он смысленный, отличник, разбирался в политике. Благостно влиял на моих детей. И я всегда, когда он приходил в наш дом, встречала его уважительно, хлебосольно. И очень искренне программировала его на блестящее будущее.

– Боря! Ты однозначно будешь президентом Украины!

Боря ошеломленно лыбился, жуя блинчики с творогом. А я продолжала его эпатировать.

– И моего сына пристроишь, ладно?

– Угу.

– Правда-правда?

– Честное слово! За друга я горой!

За окном уже темнеет. В поезде, как всегда, душно. Проводница, громкая жлобиха, приносит постель.

Мы разворачиваем матрасы. Стелемся. Почти новое белье «Укрзализныци» приятно шуршит в прозрачной упаковке. Матрасы еще сносные. А вот подушки! Ни в какие ворота! Огромные. В наволочку лезть не хотят. Да еще с ужасным наполнителем под завязку. Куски какого-то тугого поролона.

И я долго маюсь на подушке отечественного производства. Переворачиваю ее ежеминутно, бью кулаками, дабы придать ей плоскую форму. Непослушный поролон ванькой-встанькой дыбится, больно впиваясь мне в шею. И пахнет эта подушка бессовестно! Заснуть я не могу.

Ну, принцесса я на горошине! Ну, не умею спать на таком! А кто, вообще, умеет? Кто не мечтает в беспокойной ночи железной дороги быстрее добраться до своей нормальной постели и умиротвориться в ней.

У меня самой дома, на Позняхках, уютная колыбелька с дюжиной отличных подушек!

Я, как и большинство жителей мегаполиса, периодически становлюсь жертвой ушлых рекламных агентов. И потому подушек у меня дома – хренова туча!

Итальянская подушка *Penelope*, с натуральным содержимым из молока каучукового дерева. Ортопедическая подушка из гречневой лузги, легко принимающая форму тела, до полного расслабления мышц. Дышащая подушка *Dormeo Mia*, которая окутывает пушистой свежестью и оптимально держит шею, голову и позвоночник.

В моем доме есть подушки для беременных, для водителей, путешественников и всяких изнеженных особей. Перечислять все это подушечное богатство совсем не скромно. А вдруг у какой-то моей читательницы в постели прописан только обычный вариант «Укрзализныци»?

Не горюйте! Сегодня вы принцесса на поролоне. А завтра, глядишь, на гусином пуху!

Короче, не хочу я мучиться на жуткой подушке! Я решаю не спать вообще. Устраиваюсь удобнее у окошка и люблюсь квадратом Малевича, растянувшимся на несколько километров вдоль рельсов.

И вдруг я соображаю, что у меня на третьей полке, в багаже, лежит себе без дела хлопковая стеганая подушка *Aloe Vera*! Она тоже едет со мною на каникулы! И обработана эта бесценная подушка, если восторженно верить рекламе, кучей активных компонентов этого божественного лекарственного растения, с ферментами, витаминами, минералами и аминокислотами!

И пусть даже я лоханулась, насчет всех этих ферментов! Но подушка-то удобная и сейчас при мне! Я вскакиваю с полки и достаю свою сумку. Вот она эта милая, сонная, пахнущая тропической зеленью Канарских островов штуковина под мое нежное ушко! Я бросаю на третью полку вонючую подушку «Укрзализныци».

И вдруг тревожная мысль влетает в мой мозг. Мой ангел-хранитель уже начеку. Тюкнул меня, как всегда, по темечку! Мысль, правда, неуловимая, неясная. Но ведь тюкнул же! Значит, надо прислушаться.

«О чем это он мне? Может, подушку украдут? – гадаю я. – Да кому она, на фиг, нужна!» – «Могут украсть! – шевелится у меня в голове. – Когда ты уснешь без задних ног на своей домашней подушке, какой-нибудь ночной хапун похитит эту бесценную государственную собственность!» Есть еще такое на железной дороге! Ведь недаром сосед с верхней боковой полки напротив, укладываясь спать, потянул к себе под матрас свои замызганные кроссовки!

А я, получившая белье от проводницы, как бы того... материально-то ответственна!

Какие только странные мысли не лезут в голову пассажира в час ночи в плацкартном вагоне поезда Киев – Херсон, когда не спится. И я запикиваю эту несчастную вагонную подушку себе в сумку, на место своей, домашней.

И вдруг вижу картину. В сумраке вагонного коридора на меня в упор смотрят четыре глаза. Жлобиха проводница и тот пассажир, с кроссовками.

– Вы украли подушку! – двинулась на меня проводница.

– А!.. Я?.. Не-е-т! – бессильно ловлю я ртом воздух. – Только тихо, не кричите!

Горячая волна стыда покрывает меня с ног до головы. Я задыхаюсь от возмущения. И понимаю, что эту глупейшую ситуацию я сконструировала сама.

Я робко начинаю оправдываться. Несу всякую чушь. О потенциальном ночном воре. О том, что их государственной собственности пришел бы п...ц!¹ Пардон, чернобурка! Если бы не моя бдительность.

И все это шепотом, чтобы, не дай Бог, не разбудить пассажиров, не привлечь их внимания. И самое главное, чтобы Боря Ц. всего этого ужаса не видел.

– Она еще нагло врет! – фыркнула проводница, угрожающе вскинув руки в бока. – Вот этот пассажир все видел. Он свидетель!

– Мужчина, скажите, ведь это недоразумение! Мне не нужна чужая подушка! – хватаю я за руку мужика, стоящего в одних носках на грязном полу плацкартного вагона.

– Не знаю. Нужна она или нет? – чешет репу мужик. – Но я видел, как вы прятали подушку в сумку.

– Сейчас милицию вызовем! Это же надо, подушки уже воруют! – громко кликушествует проводница.

¹ По этическим соображениям слово «писец» здесь и далее заменено на слово «чернобурка».

И я вижу, как над верхней полкой – о ужас! – вырастает взъерошенная голова Бори Ц. Боря Ц. вопросительно смотрит на меня. А вместе с ним просыпаются и другие пассажиры. Народ с любопытством следит за представлением.

Я понимаю, что это катастрофа! Позор! И иду за начальником поезда.

Начальник поезда оказался человеком разумным. Выслушав мои аргументы, он устроил проводницу, поняв, что скандал с подушкой – недоразумение. Дал мне таблетку валерианы. Но переселять меня с детьми в другой вагон, подальше от свидетелей моего унижения, отказался.

До самого утра я не спала, стыд сжигал меня своим малиновым пламенем, и я все думала, как же утром на меня будут смотреть все пассажиры, свидетели моего ночного позора. И не изменится ли отношение Бори Ц. ко мне?

Ранним утром, когда наш поезд прикатил в Херсон, я, мнительно потупив глаза, на виду у пассажиров, как мне казалось, с упреком глядящих на меня, покинула вагон вместе с детьми, Борей Ц. и багажом.

Свою домашнюю хлопковую подушку, пропитанную гавайским летом, я навсегда забыла в вагоне «Укрзализныци».

Каникулы мы роскошно провели на природе Новой Каховки. Купались в тихом Днепре, ловили жирных карасей, варили варенье.

И Боре Ц. наварили несколько банок с царскими персиками.

Но ночной скандал с подушкой отравлял мне жизнь. И мне все время казалось, что Боря Ц. бросает на меня вопросительные взгляды. Я старалась угодить гостю, подкладывала ему самые лучшие куски, покупая на рынке домашних уток, творог, сметану, фрукты.

И, пытаясь реабилитироваться за тот ночной кошмар, все время рассказывала Боре Ц. смешные случаи-недоразумения. Их я вспоминала из жизни или придумывала сама, записывая в блокноте. Но Боря Ц. как-то нехотя слушал меня и все норовил сбежать.

Когда же мы вернулись в Киев, Боря Ц. перестал к нам ходить. А его строгий дедушка с мамой так мне и не позвонили.

И мне мерещилось, что тень от вагонной подушки все же легла на меня темным пятном. В ночных кошмарах ко мне являлась фыркающая проводница, в позе «руки в боки», босоногий дядька – свидетель и вопросительный Боря Ц., восседающий на президентском троне с вагонной подушкой под задницей.

Прошло несколько лет. Но эта история с подушкой никак не блекла. Летние переезды в Новую Каховку ранили душу воспоминаниями. И я продала квартиру в Новой Каховке.

Легче мне не стало.

Боря Ц. с его вопросительным взглядом не отпускал меня. И мне снова хотелось увидеть его и рассказать ему новую историю-недоразумение. Блокнот с историями был уже пухлым. Я стала коллекционером абсурдных ситуаций.

Но с Борей Ц. мы потеряли связь.

По слухам, Боря Ц. окончил престижный университет и уже работал в Администрации Президента, на хорошей должности.

И вот я решила позвонить Боре Ц. Какого-то лешего! Мне хотелось убедиться, что он не презирает меня за ту подушку. Что его отстраненность от нас – тоже недоразумение. И его обещание «за друга горой» еще в силе.

Телефона Бори Ц. у нас не было. Недолго думая, я пошла к нему домой, в соседний двор.

Бори Ц. дома не оказалось. Двери открыл строгий дедушка, бывший шпион. Выглянула мама-чиновница и тут же равнодушно скрылась. Я представилась. И попросила телефон Бори Ц.

– Зачем вам телефон Бориса? – спросил дедушка.

– Да я хотела с ним пообщаться, – глупо сказала я, пряча под мышкой пухлый блокнот с нелепыми историями.

– Мы телефон его никому не даем, – отчеканил кагэбэшный жучок.

– Так мы же с ним дружили. Он у нас три месяца провел в Новой Каховке! – почти возмутилась я.

– Знаю. Но телефон не дам, – стоял на своем шпион.

– Почему? Он что?.. Зазнался? Президентом уже стал? – не унималась я, в ажиотаже жестикулируя руками. Блокнот мой выпал.

Дедушка резко захлопнул двери.

Я подняла блокнот и поплелась домой, гоня от себя плохие мысли. Дома я легко нашла интернет-адрес Бори Ц. Написала ему письмо, спросив, куда он подевался. И послала ему новый смешной случай из своей обширной коллекции.

Боря Ц. не ответил.

Темная тень от подушки накрыла меня тяжелым бременем. Я перестала спать и есть. Лицо осунулось. Тело растаяло от истощения.

По телевизору я видела разжиревшего Борю Ц. в свите президента. И, когда телекамера выхватывала Борино лицо крупным планом, мне казалось, что он смотрит на меня уже укоризненно и почти с презрением.

В одно хмурое утро, заколов булавками спадающие джинсы, я поплелась к Администрации Президента. С целью встретить Борю Ц. и объяснить ему, что история с подушкой – это печальное недопонимание.

В администрацию меня не пустили, даже близко. Я стояла под каштаном, у ворот и ждала.

Когда Боря Ц. вышел из здания, я поспешила к нему со словами оправдания и новой историей из блокнота. Боря с ненавистью глянул на меня и быстро сел в черную машину с тонированными окнами.

Наверное, я умерла бы, как канцелярский чиновник Червяков. Но во мне еще есть силы доказать Боре Ц. свою невиновность.

А толстый блокнот с жизненными историями о подобных происшествиях надо бы опубликовать в назидание другим.

2.06.2012. Киев

Привет, Бомбейкина!

Глава 1

Рококо

Валькины котлеты весело шкварчат в сковородке, разнося одуряющий аромат по всему ее дому. Она улыбается мне своей фирменной детской улыбкой, которую я наблюдаю последние лет тридцать. С того самого момента, когда нас посадили с ней за одну школьную парту.

Я глотаю слюнки. И режу мои лиловые помидоры. Большие, мясистые. Всего три штуки. Это моя скромная гостевая лепта, выторгованная у селян на Демеевском рынке.

Кромсаю я помидоры в тарелке. Тарелку я предварительно вымыла. Пошкрябала остатками металлической губки, разлагающейся тут же, в Валькиной раковине. Простерилизовала тарелку в кипятке. И все это украдкой. Пока Валька возилась с котлетами.

Не дай Бог заметит! И у нас снова начнется конфликт.

– Маруська, возьми доску. На ней же удобнее. Кто же это салат на тарелке режет? – выросла за моей спиной Валька.

Эх! Заметила все же! Смотрит ревностно. Сверлит глазами. Как зануда-училка на школяра, ляпающего орфографические ошибки в тетради. Куда только улыбочка подевалась!

Я не реагирую. Уж лучше снова ругань, чем бактерии в моем организме.

Но Валька настойчиво протягивает мне темный от времени и стертый в середине кусок фанеры, на котором, если взять микроскоп, явно кишат колонии микробов, и, может быть, даже брюшного тифа.

Подстегнутая этой жуткой мыслью, я еще ожесточеннее размахиваю ножом и быстро расправляюсь с помидорами.

– Маня, возьми доску, – не отходит от меня бдительная подруга.

– Да не нужна мне она. Все уже готово, – и я убираю в сторону подозрительную разделочную доску, которая давно бы полетела в мусорку, будь на то моя воля.

А котлеты дружно шкварчат.

Валька, вооруженная вилкой и собственным указательным пальцем, поддевает готовые котлеты и складывает их в большую тарелку. Тарелка стоит на столе, вплотную придвинутому к плите.

Тут же, на столе, возлежит жирный Кошарик. Нет, это не тот Кошарик из моего одноименного рассказа! Этот Кошарик нервно подергивает хвостом и лениво мяукает.

– Мао! Мао!

Хвост Кошарика монотонно бьет по тарелке. Хвостатый Кошарик – Валькин домашний любимец. Очередной и самый обычный, беспородный черный кот, с белой грудкой, подобранный год назад Валькой под забором, когда он был еще жалким, когтистым, остервенелым орущим месячным котенком.

Имя коту дала я. Из чувства справедливости. Уж очень коту это имя подходит. И всем особям кошачьего рода я раздаю именно это имя. Но Валька была против. Перебирала имена заморские, вычурные. То Цезарио, то Лучано. Вспоминала героев из мифологии. Геракл, Минотавр. Остановилась на пошлом имени Пегас.

Ну подумать только! Где кот? А где Пегас? Символ вдохновения! Вы видели когда-нибудь крылатого кота? Но кот охотно откликнулся на это поэтическое имя. И чувствовал себя, наверное, избранным.

Валька Бомбейкина – скульптор. И, конечно, как любой творец, не прочь помечтать о славе, признании.

Международные выставки! Аплодисменты! Награды и коллекции с бронзовыми и медными скульптурами. Аукционные дома, галереи и музеи, считающие за честь иметь в своей экспозиции работы Бомбейкиной!

Слава Бомбейкиной затмевает Альберто Джакометти, самого дорогого в мире скульптора. Под Киевом круглосуточно работают подпольные цеха, где штампуют поддельные скульптуры Бомбейкиной. А плутоватые галерейщики сбывают эти фальшивки жирным и тупым клиентам. И мешки, мешки с деньгами!

Но лень-матушка сгубила не одного гения!

Скульптур у моей подруги – кот заплакал. Пара гипсовых собак, ушедших в мир иной и увековеченных любящей хозяйкой. Терси и Негус. Лохматые ньюфаундленды. Когда-то они нас с Валькой возили зимой на санках по Цимбаловке. Из шерсти этих псов, до сих пор еще летающей по всему дому, можно было навязать пушистых носков на весь Цимбалов Яр!

Другая парочка хрупких работ из гипса пылится в магазине на Подоле. Уже третий год. На одной витрине – рыжий клокастый кот. Стоит на задних лапах, во весь рост. В позе «мяу!» И постоянно падает.

Покупатели у нас пытливые. Все норовят своими лапами к произведению искусства приобщиться. А произведение неустойчивое. По замыслу скульптессы, опираться зверь должен был на две лапы и хвост. Но у Вальки, как всегда, материала не хватило. А в магазин на Красноармейскую бежать было лень. Вот хвост у кота и оказался куцом. Кот падает. То ухо обобьется, то лапа отпадет. Вальке звонят из магазина, просят отреставрировать кота. Так она с ним уже третий год и носится. Через весь город на троллейбусе.

А рядом на полке в магазине другой Валькин шедевр – скульптура белого кота. Сидит в кресле-качалке. Нога на ногу. С книжкой в лапах. Это Пушок. Самый любимый Валькин кот из всей бесчисленной вереницы паршивых котов, когда-либо живших в доме у Вальки.

Я его тоже знавала. Тот еще заср...ц был, как и все остальные! Не только в хозяйкины тапочки норовил наср...ь. Подлец! Но и в мои зимние сапоги... А вот тебе ж на! Увековечен! Памятник этому стервецу воздвигли!

А могла б и меня изваять. Свою подругу! Хотя бы бюст! Хотя бы простой эскиз! Акварелью на ватмане. Лучшая подруга называется!

Тут корпиться над бумагой, мучаешься в позе «зю», штампуешь нетленки. И о Вальке, между прочим, парочку уже наваяла! И никакой благодарности от мироздания! И от подруги тоже!

Одни коты и собаки! Какие-то Пушки блохастые!

Скульптура Пушка более устойчива. Но с огромными, несимметрично торчащими ушами. Как у мутанта. Валька оправдывается, что это авторское моделирование и реализм. Пушок, мол, таким родился!

Ничего подобного! Я же помню. У этого белобрысого шалопа-высочки были самые обычные, ничем не примечательные уши.

Валька иногда садится за работу. Что-то ваяет. Лепит. Вся в кураже и вдохновении. В соплях-слюнях! Рядом крутится ее усатый Пегас.

– Ну, мой родной, мой Пегасушка! – просительно гладит она левой рукой кота по морде, а правой ковыряется в ноздрях у вновь рождающейся скульптуры. Ноздри у гипсового кота неправдоподобно раздутые, будто он собрался на кларнете сыграть «Польку-молодычку».

Какой Пегас, такие и шедевры...

Пегас, твою мать! Не клеится это поэтическое имя к коту. Ему бы Мурзиком. Кошариком. Васькой. Честнее было бы!

Мне эти выпендрежи-рококо в биографии обычного кота не нравились. И каждый раз, появляясь у Вальки в ее доме в Цимбаловом Яру, я окликала плебея кота простым именем. Кошарик. Кот начал реагировать. Так у него получилось двойное имя. Пегас-Кошарик. Почти как Мария-Магдалина. Или Алла-Виктория.

Валька смирилась.

За год Пегас-Кошарик вымахал в здоровенного, вальяжного зверя, зажирел на хозяйских харчах. И нежился то на Валькиной тахте, почти по-собачьи огрызаясь на двух безобидных дворяшек, тоже любительниц поваляться на Валькином ложе. То на кухонном столе, у теплой плиты. И вел образ жизни безбашенного сибарита.

Мне так и казалось, что вот-вот кот томно потянется. Сверкнет своей белой засаленной грудкой. Зевнет, обнажив розовую наждачку язычка. И затребует у Вальки чашечку кофе или сигарету.

– Мао! Мао! – хвостом по котлетам забил Кошарик.

Валька цепляет пышущую жаром свиную котлету и бросает Кошарику под морду.

– Счастье ты мое, хвостатое! – щедро лыбится подруга.

Кот осторожно переворачивает горячую котлету лапой, валяет по столу, ждет, подлец, когда та остынет. И продолжает нетерпеливо барабанить хвостом по тарелке. Валька добродушно смеется, любовно глядя на кота. Чешет его жирной вилкой за бархатным ухом.

Я с великим усилием давлю в себе дикое желание ткнуть Вальку носом в этот бардак. А зарвавшегося кота подвесить на березе в Валькином саду. Как это делала моя троюродная бабушка Катерина с хутора Райчино Полтавской области, когда уже больше не верила в пользу усатого бешкетника, который вместо ловли мышей открывал охоту на курчат.

Я терпеливо наблюдаю.

Шерсть вместе с миллионами частичек пыли сверкает и переливается в солнечном луче летнего полдня, узко бьющего через открытую форточку.

Через матовое стекло солнце в дом не проникает. Оно замызганно отпечатками лап кота, проторившего по стеклу тропинку во двор.

Я уношу тарелку с помидорами в зал. От греха подальше. На круглый стол, с которого свисает длинный подол вышитой скатерти. Но здесь, как обычно, нет свободного места. Стол заставлен. Всякой бестолковщиной. Стола не видно. А на нем, в середине... гора. Из голов. Куриных. Сырых. Над ними вьется рой мух. Надо быть Верещагиным, чтобы описать эту гору! Апофеоз войны. Человека над курицами. Заготовка для собачье-кошачьих пирушек. Преданность и забота Валентины, посвятившей себя животным.

Я пристраиваю тарелку с помидорами на край этажерки с книжками. Тарелка падает и разбивается. Волна негодования захлестывает меня.

Я смотрю на разомлевшего от котлет кота. На его измазанную в жиру морду, которую ему лень вымыть лапами. На котлеты, которые уже надо в мусорку.

Пожалуй, баба Катерина была права насчет березы... Она бы этого Пегаса!.. И мое воображение, подогретое увиденным безобразием, рисует картинки кошачьей инквизиции.

Кот слишком тяжелый. И сук березы ломается под ним. Но неугомонная котоненавистница Катерина ловит кошака своими хваткими пальцами и топит его в ведре с водой. Кот упирается. Тонуть не желает. Мокрый, дико орущий, он с усилием выталкивает мордой крышку, которой Катерина давит ведро. И, вырвавшись, отряхивается, разбрасывая грязным веером миллиарды бактерий по стенам и мебели.

Фу!.. Кот спасен! Первобытный образ бабки Катерины растворяется в сегодняшних реалиях.

Котлет мне совсем уже не хочется.

– Машулечка, еще минутку, и ты котлетками будешь лакомиться.

«Да-да! Особенно – лакомиться!» – грустно думаю я.

– А мне нынче не до них. Здоровье, пардон, не позволяет. Я себе слив вон купила. Лучшее народное средство от моего недуга, – деликатно говорит Валька, указывая взглядом на большое стеклянное блюдо на журнальном столике, схваченное легкой паутиной и слоем пыли. В блюде лежат синие продолговатые сливы.

«Надо попробовать пару этих слив. Если помыть их в горячей воде и с мылом», – думаю я, и настроение улучшается.

– А я сейчас на первое супчик еще из риса сварю. – И Валентина высыпает в бульон рис прямо из пакета.

– Валя, ты рис забыла помыть! – кричу я подруге.

– А зачем его мыть? На фирме, где его производят, его же, очевидно, моют.

– Кто бы его мыл? Ты смеешься? Оно им надо? Вон серая пена пошла! Выливай воду из кастрюли.

– Нет. Не надо. Кипяток все убьет. И твои бактерии, и витамины, – смеется подруга.

Я обреченно плюхаюсь на стул. Спорить с Валькой нет смысла. Она личность особая. С гигиеной у нее свои отношения.

Как-то осенью мы с ней собирали яблоки в ее саду. Чтобы сварить варенье. Я норовисто перепрыгивала через многочисленные бомбочки, оставленные ее дворняжками на зеленой траве. Гадкие псы тут же путались под ногами.

На кухне я уже приготовилась мыть яблоки. Но Валентина властно отодвинула меня рукой и, вынув плоды из корзины... начала их мелко резать в таз, на варенье.

– Ой-ей-ей! – схватилась я за голову. – Ты забыла яблоки помыть!

– А зачем их мыть? Они же с дерева.

– Да мы же половину их собрали с земли! А там собачье дерьмо!

– И ничего страшного. В тазу, пока они переварятся, ничего опасного для тебя не останется.

Поэтому спорить с подругой – только свое здоровье портить. Лучше действовать исподтишка. Чтобы она не видела. Перемыть стакан, или чашку к чаю, или тарелку для себя, любимой. А если уж увидит, то конфликт неизбежен.

– Ты что же это чашку из сушки моешь? Думаешь, что я ее не мыла? Считаешь меня совсем заср...й?

– Нет. Не совсем. Не считаю, – оправдываюсь я и быстро-быстро домываю чашку, жирную, захватанную, с серыми отпечатками губ на позолоченной каемке.

Валька берет заварочник и выливает остатки чая в унитаз. Крышка от заварочника плюхается в сортир. И тонет в его недрах. Валька и ухом не ведет! Будто обронила крышку на белоснежную стерильную скатерть стола! Она выуживает крышку и... накрывает ею заварочник. Ловит мой ошарашенный взгляд. И... подает мне валерьянки.

Чая мне тоже не хочется.

Я уже беснуюсь. Я себя не контролирую. Мои нервы на пределе. Во мне просыпается первобытная Катерина. И я готова уже саму Вальку утопить в ее унитазе. И туда же кинуть ее котлеты, крышку от чайника, яблочное варенье и ее гипсовых уродцев.

Вот откуда берутся преступники! От нервов! Попробуй такое вынести!

Глава 2

Курдуплык

– Сейчас придет еще пан Лешек. Он тоже очень котлеты любит, – говорит с улыбкой Валька.

– Какой еще, на фиг, пан?

– Обычный поляк. Из Гданьска.

– Где ты его взяла?

– Вот на голову свалился. Дениска познакомился с ним на литературном фестивале в Польше. Пан не женат. А сын мой, разумеется, хочет матери женского счастья. Пан и приехал в Киев. Вроде жениться надумал на мне. Теперь у меня в гостях. На втором этаже я его поселила. Уже неделю сидит, – и Валька заразительно заходится смехом.

– Да? Ух ты! И много у тебя женского счастья? Расскажи! И чего, пан хорош собой?

– Импозантный. В расшитой ермолке. Ходит с палкой деревянной. На палке – розовый бантик. Не понятно, зачем! Фигура своеобразная. Курдуплык, одним словом, – иронично смеется Валька.

– Кто-кто? Это как?

– Задастый, значит. Ему это польское слово очень подходит. Сейчас сама увидишь. К обеду он прибежит.

– А чем пан на жизнь зарабатывает?

– Какая-то недвижимость у него в Польше есть. Деньги водятся. А так он поэт. У себя в Польше, говорит, известный. Очень разговорчивый. Весь прямо сияет. Стихи свои читает мне каждый день, – весело докладывает подруга.

– Поэт! Терпеть не могу поэтов! Стишки его в кастрюлю не положишь. Что он тебе привез в подарок?

– Ничего. И за всю неделю даже буханки хлеба не купил, – жалуется всегда деликатная Валька.

– Вот это жених!

– И я о том же! А вчера я уже разозлилась и на Демеевском рынке, куда мы с ним пошли за продуктами, так прямо и говорю ему: «Пан Лех, вы можете тоже еды купить, к столу. Я не против!»

Валька перевернула брызжущие жиром котлеты румяным бочком кверху. Прикусила ошпаренный палец. Кошарик, не переставая бить хвостом по тарелке, вяло мяукнул:

– Мао-мао!

– Сколько можно! Ты кушаешь, как здоровый мужик. Как пан Курдуплык. А за всю жизнь только одну мышь в дом и принес! – в сердцах отозвалась хозяйка, бросив коту очередную котлету.

Уши робко поджались. Уши мои. Помидоры, купленные мной к столу, показались мне жалким подношением. Их всего три. Но все же больше, чем мышей!

Котлет мне аскетично не хотелось.

– И что пан Курдуплык? Купил еды?

– А как же! Купил. Пакетик сухой аджики... Курицу посыпать. Которую купила я.

– И какой же толк с этого пана?

– Большой, – лукаво улыбаясь, говорит подруга. – Сумки с едой помог мне допереть с Демеевки. Курицу, творог, масло, сметану, овощи, трехлитровую бутылку с квасом.

Всю дорогу веселит меня рассказами о влиянии поэзии на воспитание человека. О высоких материях глаголит.

– Какой ценный пан, однако! А что с аджикой?

– А пакетик с аджикой пан Курдуплык заныкал. На второй этаж отнес. К себе. В рюкзачок. Пока я курицу в духовке запекаю, он меня своими стихами изводит. Я ему говорю, мол, пан Лех, где же ваша аджика? Несите курицу посыпать. Он ушел за аджикой на второй этаж, и полтора часа его не было. Потом является. Без аджики. Выспавшийся. Сияет. «Я, наверное, долго отсутствовал, пани Валентина?» Ровно столько, отвечаю, пан Лех, сколько вы за своей аджикой ходили, – смеется Валька.

– Мао-мао, – нагло просит котлет жирный Кошарик.

– Пошел ты... Пегасик, во двор! Сколько можно жрать?! На тебя моей зарплаты не хватит! – эмоционально восклицает Валентина, смахивая кота со стола.

Кот недовольно мяукает и снова тяжело впрыгивает на стол. Искристый столб пыли завьюжил в воздухе и надежно осел на котлетах, сливах и на нас с Валькой.

Котлет мне не хочется на двести процентов.

– И что дальше?

– Ожирение ему грозит.

– Кому?.. Нет, меня пан Курдуплык больше интересуется, чем твой кот.

– Курдуплык... Имя-то какое точное для этого пана! – усмехается подруга. – Ну, смотрю, испортилось у Курдуплыка настроение. Глазки погрузнели. Поднимается нехотя на второй этаж. Ноги едва передвигает. Будто артроз у бедолаги. А такой ведь прыткий пан был! Принес все же аджику. Потрусил очень бережно над курицей и... спрятал в карман.

– Н-да! Еще тот женишок!

– О чем ты говоришь! Редкий персонаж.

Во дворе залаяли Валькины собаки. Послышался скрип открывающейся калитки.

– А вот и пан Лех! Он очень пунктуальный, – многозначительно скорчив гримасу, смеется Валентина.

В дом бодро вошел упитанный, розовощекий человек лет пятидесяти пяти. Неяркой внешности. Бородка клинышком. Глазки востренькие. В вышитой украинской сорочке. На голове – белая шапочка с орнаментом. В руках – засаленная деревянная палка, на конце которой непонятные висюльки из красных атласных ленточек. Ноги торчат из-под упитанного зада. Курдуплык, одним словом!

За ним следом вбежали две лохматые дворняжки. Встали передними лапами на стол, уткнувшись мордами в блюдо с котлетами и виляя хвостами. Кошарик лениво вскинул когтистой лапой в сторону собачьих морд. Собаки не возражали.

Пан широко заулыбался, оголив хорошие зубы, и поприветствовал нас на ломаном украинском языке. Почти по-родственному расположился за столом. И, закатив глазки, начал смачно нюхать дух котлет.

Валька ласково погладила псов по головам жирными руками.

– Сейчас и вам положу, хорошие вы мои! – И она выудила из блюда по котлетке и положила каждому псу в пасть. Потом похлопала псов по спине и выпустила во двор. Руки отрянула о юбку.

– Руки помой. После собак! – нашла я повод одернуть подругу.

– Да собаки же чистые! Ты еще не знаешь, что там в той воде.

Я открыла кран с горячей водой и тщательно вымыла свои руки.

В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Если хочешь общаться с подругой, то приспособляйся. Гигиена, о которой она понятия не имеет, – это единственный недостаток Валентины.

Пока мы с подружкой расчищали стол от «куриного апофеоза» и несли котлеты, припудренные бактериями, пан Лех читал нам свои стишки и лихо управлялся с Валькиными, пардон, противозапорными сливами.

Курдуплык так ловко таскал синие сочные ягоды, одну за другой, что Валькино затейливое лекарство испарилось в мгновение ока. Большое стеклянное блюдо осталось пустым. Лишь скомканное кружево паутины сиротливо лежало на его дне.

Ну, хоть бы две сливы оставил, паразит!

Сожрав сливы, Курдуплык принялся за котлеты. На пару с ненасытным котом.

Валька пила свой чай из заварочника.

Я от чая отказалась. Как и от котлет. Салат из помидоров, упавший с этажерки, был утрачен навсегда. Я жевала жвачку. «Банан с малиной».

Упитанные особи мужского пола так смачно уплетали жирные свиные котлеты, что, казалось, мир еды и удовольствия был создан исключительно для них. Когда тарелка с котлетами опустошилась, мы с Валькой многозначительно переглянулись.

Валька нервно расхохоталась.

Волна ненависти к Кошарику-Пегасу, Курдуплыку, к бананово-малиновой жвачке, ко всему Валькиному хаосу захлестнула меня. Сдерживаться далее было выше моих сил.

Я схватила со стола кота за шкуру и вышвырнула через открытую форточку во двор. Потом включила горячую воду и начала ожесточенно драить стол, на котором лежал грязный толстый кот.

– Э! Чего это ты? Какая муха?.. – почти нежно откликнулась Валька.

– Пани жестка с животными? – открыл рот Курдуплык.

– Ты еще моей жестокости не видел! – резко отвечаю я и, уцепившись Курдуплыку в вышитый ворот рубахи, выволакиваю его, упирающегося, вон из дома. А следом запускаю в него его засаленную с шаловливыми ленточками палку.

Потом хватаю разделочную доску и, не зная, как с ней поступить, пытаюсь сломать ее об колено. Когда ничего с этим не выходит, я поднимаю жирный, весь в паутине топор из-под заср...й Валькиной плиты и дважды ударяю им по ненавистной доске. Остатки микробной доски выбрасываю в мусорное ведро.

Валька, разинув рот, молча смотрит на меня. И ее брови беспомощными домиками высоко торчат над ее обалдевшими глазами. Но нервный припадок мой только разыгрывается.

– Микробов уничтожь! Помой весь дом! И не делай из своего жилья собачью будку! – замахваюсь я на нее топором. И, для верности, тыкаю ее по лбу обухом.

Валька охает и валится на грязный пол, не мытый с 1960 года, с момента постройки дома.

Я стремительно вылетаю из дома, спотыкаюсь о жирного кота, прытко бегущего назад, в дом, на свое законное место – кухонный стол. Кот отлетает от моих ног, катится по земле, мелькая белой сальной грудкой. Я падаю. Больно зашибаю коленку.

– Пегас, твою мать!

В мой адрес приветливо лают и виляют хвостами Валькины безобидные шавки, предназначение которых в этой жизни не дом охранять, а загаживать его.

Я швыряю в собак Валькиной итальянской туфлей, еще недавно купленной и уже растерзанной ее песиками. Туфля, наверное, с левой ноги! Эти подлецы систематически рвут почему-то обувь с левой ноги! Я поднимаю туфлю с земли. Точно, левая! Феномен необъяснимый!

Псы жалостливо прижимают уши и, виляя хвостами, бегут в дом.

– А чего вы так разогнались? – слышу я примиренческий возглас пана Курдуплыка.

– Ах ты, панская дупа! Ты еще здесь? Ах ты, хитрозадый! Женишок, мать твою! – И, выхватив из рук пана его палку, я остервенело лупцую его по жирной дупе. Да так, что цветные бантики-висюльки беспомощно разлетаются в разные стороны.

Глава 3

Привет, Бомбейкина!

Вечер. Я дома. Звонок в дверь.

Может, менты? Неужели я долбанула в этот раз Вальку больше обычного?

А вдруг она того?.. Ласты склеила?..

У-у-у! Чего же я натворила? Моя несчастная подружка! Теперь она будет лежать в сырой земле!.. А я буду в камере? На двенадцать человек? Юридически-то на двенадцать! А на деле там набьется больше сорока пяти! У нас же санитарные нормы в тюрьмах не соблюдают! Вот где грязь! Вот где инфекция! Фу!

Я открываю дверь, готовая сдать родной милиции.

О! Это Светка-соседка. Пришла чай пить.

В руках большой поднос. Накрыт белой, накрахмаленной салфеткой. Как всегда! На нем стерильная, до хруста, чашка с крышкой. Уже налитый горячий чай. Отмытая, отдраенная до полубоморока серебряная ложечка. Завернута в салфетку. И конфетница. С моей любимой «Белочкой».

Светка вообще никогда у меня мой чай не пьет. Все носит с собой. Брезгует, чистюля!

Там свои тараканы...

– Как твое бабье счастье? – звоню я Вальке на следующий день, как ни в чем не бывало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.